

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ “ТРОЙКИ” ГПУ-НКВД ТАССР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (1929-1938 гг.)

Политические репрессии – одна из самых драматических страниц в истории советского общества. Издание Президентом России 23 июня 1992 г. Указа “О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека” позволило существенно расширить источниковую базу по данной теме. Прежде всего были рассекречены материалы так называемых “внесудебных” органов: “троек”, “двоек”, Особых совещаний. Кроме того, стали доступны исследователям и приказы, циркуляры, директивы ОГПУ-НКВД СССР, регламентирующие работу внесудебных органов.

29 октября 1929 года ОГПУ СССР издает Циркуляр об образовании “троек” для предварительного рассмотрения законченных следственных дел (№ 239/ск). И через два дня, 1 ноября 1929 г., состоялось первое заседание “тройки” при Татарском областном отделе ОГПУ. В состав “тройки” в 1929–1937 гг. входили: председатель (полномочный представитель ОГПУ СССР в ТАССР, впоследствии нарком внутренних дел ТАССР), члены – один-два сотрудника ОГПУ-НКВД, помощник прокурора республики и представитель обкома.

Протоколы заседаний “тройки” ГПУ-НКВД ТАССР находятся на хранении в архиве Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Татарстан, фонд 109, опись 2. При этом необходимо отметить, что аналогичные протоколы хранятся также в архиве МВД РТ, однако по ним проходят лишь уголовники. В наших исследованиях протоколов “тройки”, хранящихся в архиве УФСБ РФ по РТ, особое внимание будет уделено репрессированным по политическим мотивам, т.е. осужденным по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.

В протоколе заседания “тройки” указывались номер следственного дела, фамилии обвиняемых, сущность дела, а затем постановление. В нем меры наказания указывались в убывающем порядке:

вначале приговоренные к высшей мере наказания (расстрелу), затем – на десять, восемь, пять, три или один год концлагерей (изредка указывалось, что наказание должно отбываться в местном доме заключения). Затем шли фамилии лиц, чье наказание было условным, после них – лица, находящиеся в розыске, и, наконец, оправданные «тройкой».

С 1 ноября по 31 декабря 1929 г. было 41 заседание “тройки” Татотдела ОГПУ. За эти два месяца было рассмотрено 224 дела, по которым проходило 828 человек. Около трети указанных дел, а точнее 82, были одиночными, т.е. по делу проходил только один человек. Остальные 140 дел были групповыми. Обвинения изобиловали такими понятиями, как “кулацко-мульская группировка”, “контрреволюционная кулацкая группировка” и прочее. Например: “Перечисленные обвиняемые: братья Гилязетдиновы, братья Латыповы, братья Туктаровы и Хайретдинов составляли в деревне вполне оформившуюся кулацко-мульскую группировку, активно противодействовавшую на протяжении особенно последних двух лет всем мероприятиям соввласти и партии в деревне”¹. Или же: “Вышеперечисленные обвиняемые, будучи враждебно настроенными к советской власти, в целях противодействия мероприятиям и кампаниям, проводимым на селе, организовались в сплоченную группу и на протяжении ряда лет вели систематическую агитацию среди населения. Для этой цели под видом религиозных бесед созывали крестьян и влияли на них через проводимую антисоветскую агитацию”².

Все проходящие по протоколам “тройки” за 1929 г., за редким исключением, были сельские жители. Большую часть из них (531 из 828) составляли так называемые кулаки, т.е. зажиточная часть крестьянства, крестьян-середняков было 152, бедняков же намного меньше – 36 человек.

Не было забыто и духовенство: представителей мусульманства – 65, православного духовенства – 27 человек. Так-

же было 6 торговцев. Скорее всего, это те же крестьяне, в свободное время занимающиеся торговлей. Городских жителей было всего 5 человек: 2 рабочих и 3 служащих. 6 человек значатся без определенных занятий.

Что же касается мер наказания, вынесенных “тройкой” в 1929 г., то 59 человек были приговорены к высшей мере наказания. Столько же – к лишению свободы сроком на 8–10 лет. А вот самым “популярным” оказался такой вид наказания, как лишение свободы сроком на 1–5 лет. Более половине проходящих по протоколам “тройки” за 1929 г. – 486 человек – была определена именно эта мера наказания. Выслано 90 человек. Условно осуждению подвергнуто 96, 20 человек оправдано и 29 человек, упомянутых в протоколах за 1929 год, не были осуждены, т.к. они были объявлены в розыск или же следственные материалы по ним приобщены к материалам других дел.

В 1930 г. вся работа “тройки” ГПУ ТАССР была направлена на выполнение приказа ОГПУ СССР № 44/21 от 2 февраля 1930 г. о проведении ликвидации кулачества как класса. Как говорилось в приказе, “в целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства... в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной, контрреволюционной части, должен быть нанесен сокрушительный удар... Мероприятия органов ОГПУ должны развернуться по двум основным линиям: 1) Немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно – кадров действующих к-р и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных, махровых одиночек. (Первая категория).

2) Массовое выселение (в первую очередь из районов сплошной коллективизации и погранполосы) наиболее богатых кулаков... и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества. (Вторая категория)”³.

Арестованные по первой категории должны были сосредоточиваться в областных отделах ОГПУ. “Дела на них заканчиваются следствием в срочном порядке и рассматриваются тройками по

внесудебному рассмотрению дел, которые будут созданы при ПП ОГПУ. Основное количество таких арестованных заключается в концлагеря, в отношении наиболее злостного и махрового актива к.-р. организаций и группировок и одиночек должны применяться решительные меры наказания, вплоть до В.М.Н.”⁴.

Здесь же было намечено “для изъятия при операции” примерное количество “активных кулацко-белогвардейских контрреволюционных элементов”. Например, по Центрально-Черноземной области – 3–5 тысяч, по Средней Волге – 3–4 тысячи, Нижней Волге – 4–6 тысяч. И нет никаких сомнений в том, что планы эти были выполнены. Лишь “тройкой” при ГПУ ТАССР в 1930 г. были рассмотрены дела на 2727 кулаков. Это более 60% всего количества лиц, проходящих по протоколам “тройки” в 1930 г. (всего за “политические” “преступления” вынесено на рассмотрение «тройки» 1196 дел на 4425 человек).

Как и в предыдущем году, к ответственности по “политическим” статьям были привлечены в основном сельские жители. Представим их в убывающем порядке: “кулаки” составляли более 60 процентов от общего числа – 4517 лиц, осужденных по политическим мотивам – 2819, крестьяне-середняки – 824, мусульманское духовенство – 377, православное духовенство – 228, бедняки – 97, служащие (учителя и сотрудники сельсоветов) – 37, колхозники – 7 и лица без определенных занятий – 82. В основном это те же крестьяне, оставшиеся на какое-то время “без определенных занятий”, а скорее без собственного движимого и недвижимого имущества, а потому вынужденные сидеть без дела. По сравнению с сельским, количество городских жителей ничтожно мало: 37 (столько же, сколько и сельских) служащих и 9 рабочих.

Из 131 заседания “тройки” в 1930 году (протоколы №№ 42-172) 10 были посвящены пересмотру вынесенных ранее решений самой “тройки”. Мера наказания пересматривалась всегда в сторону смягчения, нередко и вовсе отменялась и заменялась условной. В частности, 73 расстрела заменены различными сроками лишения свободы, 3 расстрела отменены, 1 расстрел заменен условным наказанием. Кроме того, много было пересмотрено решений по высылке кулаков: 34 высылки заменены условной ме-

рой наказания, 44 – различными сроками лишения свободы. Это прежде всего связано с преклонным возрастом осужденных. Всего же пересмотру по жалобе осужденных подверглось 118 дел, по которым проходило 170 человек.

На заседаниях “тройки” ГПУ ТАССР рассматривались и дела, касающиеся уголовных преступлений (в основном бандитизма и спекуляции), а также дела по так называемым “социально-опасным элементам”. Все эти лица были рецидивистами, имевшими за плечами немало судимостей, в том числе и за убийства. Несмотря на это, “тройка” назначала им более мягкие, чем “контрреволюционным элементам”, меры наказания – чаще всего 3–5 лет концлагерей. В частности, из 183 уголовников, дела которых были рассмотрены “тройкой” в 1930 г., 144 были лишены свободы. Высшая мера наказания (расстрел) была применена к 8 уголовникам (за бандитизм, организацию побега заключенных). Выссылке подверглось 16 человек, условно осуждены шестеро. Оправдано 9 человек, подозревавшихся в уголовных преступлениях.

Для сравнения приведем цифры, касающиеся мер наказания, примененных к лицам, совершившим деяния по политическим мотивам. Здесь также самой популярной мерой было лишение свободы (заключение в концлагерь). Более половины всех проходящих по протоколам “тройки” “контрреволюционеров” (2256 человек) заключены в концлагерь сроком на 1–5 лет, 380 человек – на 8–10 лет, четверть (1028 человек) осуждена условно. Согласно решениям “тройки”, должно было быть расстреляно 313 человек. Выссылке подвергалось 329, оправдано 45 и объявлено в розыск 74 человека.

Не снижала своих темпов “тройка” и в 1931 году. Если в начале года по каждому протоколу проходило от 1 до 20 человек, то к августу – уже несколько сотен. Например, 29 августа “тройка” на своем заседании рассмотрела 85 дел, по которым проходило 387 человек (протокол N 74). Общее количество лиц, привлекавшихся за “антисоветчину”, лишь чуть-чуть больше, чем в предыдущем году (4550 против 4517). Более половины (2704) было осуждено к лишению свободы сроком на 1–5 лет. “Кулаки” (зажиточные крестьяне, торговцы, помещики) составили около 64% от общего числа.

“Тройка” продолжила работу и по пересмотру своих ранее вынесенных решений: из 168 попавших на пересмотр 131 добились послабления в наказании (37 решений оставлены в силе). 35 решений о расстреле заменены различными сроками лишения свободы, а заключение в концлагерь и выссылка в северные края в основном заменялись условной мерой наказания. В том же году было рассмотрено небольшое количество дел по уголовным преступлениям. В основном они касались лиц, занимающихся валютными операциями. За данное преступление наказание было минимальным: деньги конфисковывались, а валютчика отпускали на свободу. Не были оставлены без внимания и “социально-опасные элементы”.

В 1932 году репрессии пошли на убыль. Об этом можно судить и по протоколам “тройки” ОГПУ ТАССР за этот год – было всего 25 заседаний “тройки” (протоколы №№ 1-22а). И количество осужденных за так называемые “контрреволюционные преступления” по сравнению с двумя предыдущими годами сократилось в три раза (1449). Это прежде всего объясняется тем, что близилось к концу раскулачивание. 25 июня 1932 года выходит постановление ЦИК и СНК СССР “О революционной законности”, осудившее нарушения законности, допущенные в ходе коллективизации. Несмотря на все это, две трети лиц, проходящих по протоколам “антисоветчиков”, составляли “кулаки”. Все остальные социальные слои имели примерно равные показатели, причем городские жители составляли всего 3,3% от общего числа. Как и в предыдущие годы, преимущественное большинство было осуждено к лишению свободы на срок от 1 до 5 лет, к расстрелу – всего 11 человек.

В августе 1932 года появляются два постановления ЦИК и СНК СССР, повлиявшие на количество лиц, дела которых рассмотрены “тройкой”. 8 августа Сталин подписал постановление “Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности”, по которому за хищение колхозного и кооперативного имущества предусматривается расстрел с конфискацией всего имущества, при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией всего имущества. 22 августа

выходит постановление “О борьбе со спекуляцией”, которое предусматривало за спекуляцию продуктами сельского хозяйства и продтоварами лишение свободы на срок от 5 до 10 лет без применения амнистии.

Лица, привлекавшиеся к ответственности по данным постановлениям, учтены нами как уголовники. В отличие от “политических”, их осуждали за какое-либо действие, а не за инакомыслие или социальное происхождение. Из уголовников, чьи дела рассматривала “тройка” в 1932 году, к расстрелу приговорено 5 человек (по постановлению от 8 августа и ст.59-3 УК – бандитизм), столько же оправдано, а остальные 349 осуждены к различным срокам лишения свободы.

В 1933 году общее количество лиц, проходящих по протоколам “тройки” ОГПУ ТАССР, по сравнению с 1932 годом сократилось незначительно. Однако около 40% из них составляли уже уголовники. По делам о контрреволюционных преступлениях проходят 947 человек. Около 80% “контрреволюционеров” все еще составляют крестьяне – кулаки и середняки. При этом по сравнению с другими годами увеличилось (в процентном соотношении) количество высланных.

Проходящие по протоколам “тройки” уголовники в основном обвинялись в бандитизме, побегам с мест лишения свободы, спекуляции, хищениях, грабежах. Были также и социально-опасные элементы. Из 712 уголовников 21 расстрелян.

С 1934 года до первой половины 1937-го “тройка” в основном рассматривала дела по уголовным преступлениям. Это – социально-опасные элементы, рецидивисты, бандиты, также лица, осужденные по постановлениям ЦИК и СНК СССР. Поэтому данный период мы рассматривать не будем.

Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. ОГПУ СССР упразднено и образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР. На базе ОГПУ были организованы Управления НКВД республик, краев и областей. В связи с этим и “тройка” Таготдела ГПУ начала именоваться “тройкой” УНКВД СССР по ТАССР.

30 июля 1937 года НКВД СССР издает приказ о создании республиканских, краевых и областных “троек” для рассмотрения дел в отношении “бывших

кулаков, членов антисоветских партий, белогвардейцев, жандармов и чиновников царской России, бандитов, резмигрантов, участников антисоветских организаций, церковников и сектантов, уголовников-рецидивистов”⁵. Все упомянутые в названии приказа лица делились на две категории: 1 – “наиболее враждебные из перечисленных выше элементов”, 2 – остальные. Таким образом, предусматривалась ответственность не за конкретные преступления, а привлекались к ответственности опасные для режима своим происхождением или положением невиновные люди. Отнесенные к 1-й категории подлежали уничтожению (ВМН – расстрел), 2-я категория предполагала лишение свободы сроком на 8–10 лет.

“Тройка” работала в ударном темпе. За 4 с небольшим месяца было рассмотрено 4414 дел. За редким исключением все это были дела по контрреволюционным преступлениям. В отличие от прошлых лет в протоколе статья Уголовного кодекса не указывалась.

Особый интерес представляет социальное положение лиц, осужденных за антисоветчину. Из 4173 человек около трети – городские жители. Из них служащих – 800, рабочих – 646 человек. Несмотря на то, что в деревнях была почти завершена сплошная коллективизация, среди осужденных “тройкой” “контрреволюционеров” большинство составляют сельчане. Среди них колхозники – 905 человек, кулаки-единоличники (в основном уже раскулаченные) – 635, крестьяне-середняки – 77, служащие (учителя, продавцы, агенты по заготовкам, работники сельсоветов) – 122. “Служителей религиозного культа” сравнительно немного: 88 мулл и муэдзинов, 123 представителя православного духовенства (белого и черного). 777 человек указаны как лица “без определенных занятий” или же место работы не указано совсем.

Многие из проходивших по протоколам “тройки” за 1937 год привлекались к ответственности уже не первый раз. Как правило, осуждавшиеся второй или третий раз не могли избежать высшей меры наказания – расстрела. Из 4173 осужденных во внесудебном порядке расстреляно 2026 человек, остальные 2147 лишены свободы. Причем в сентябре-октябре и во второй половине декабря количество расстрелянных в несколько раз превышает число осужденных к

лишению свободы. Например, в сентябре расстреляно 352 человека от общего числа лиц, проходящих в этом месяце по делам о контрреволюционных преступлениях (360). Больше всего дел рассмотрено в последний день работы “тройки” – 31 декабря 1937 года – 376, прошло по ним 403 человека, из них 68 ожидал расстрел.

Необходимо отметить, что большинство дел, рассмотренных «тройкой» в 1937 году, – единичные (т.е. по делу проходит только 1 человек). По 4414 делам проходит 4945 человек (из них 772 уголовного). Из групповых можно отметить “анархическую контрреволюционную организацию” (4 человека), “контрреволюционную эсеровскую организацию в Лаишевском районе” (29 человек) и общество бывших монахов “Белые лебеди” (35 человек).

1937 год в довоенной истории советского общества – самый кровавый. Репрессии достигли такого размаха, что не могли уже продолжаться в таком же темпе, и в 1938-м пошли на убыль, однако до их завершения было еще очень далеко.

В 1937–1938 годах НКВД СССР издает ряд приказов, циркуляров и директив, направленных на борьбу со шпионажем: приказ № 00439 от 25 июля 1937 г. “Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР”, приказ № 00485 от 8 августа 1937 г. “Об операции по репрессированию членов “ПОВ”, военнопленных польской армии, перебежчиков из Польши, политэмигрантов и политобменников из Польши, бывших членов ППС и других польских политических партий”, № 00593 от 20 сентября 1937 г. “Об операции по репрессированию бывших служащих Китайско-Восточной ж.д. и реэмигрантов Манчжоу-Го” (харбинцы) и другие.

В августе выходит приказ НКВД СССР № 00606 об образовании “особых троек” для рассмотрения дел на арестованных в порядке приказов НКВД СССР № 00485 и др. В состав “особой тройки” НКВД ТАССР входили: председатель – нарком внутренних дел республики Михайлов, секретарь Татарского обкома ВКП(б) Алемасов и прокурор республики Перов.

“Тройка” работала со 2 октября по 14 ноября 1938 года. Проведено 59 заседаний (протоколы №№ 1-58). Рассмотрены

дела на 248 человек – представителей 19 национальностей. В отличие от других лет, национальность четко указывалась в протоколе, иногда даже национальности родителей. Ведь зачастую именно национальная принадлежность привлеченного к ответственности человека и была единственной его виной. Итак, по протоколам “особой тройки” проходят: 98 русских, 37 поляков, 36 татар, 20 немцев, 10 латышей, по 9 евреев и белорусов, 7 украинцев, 5 эстонцев, 3 китайца, по 2 молдованина, корейца, литовца, мадьяра (венгра), финна и, наконец, по 1 представителю казахской, турецкой, румынской и чувашской национальности.

Обвинялись они в основном в шпионаже в пользу государств, выходцами из которых они являлись или же просто принадлежали к коренной национальности той или иной враждебной СССР страны. Иногда же для обвинения в шпионаже было достаточно того, что человек когда-то оказался за границей, независимо от того, как давно это произошло: военнопленные 1-й мировой войны, реэмигранты, а также люди, оказавшиеся за границей не по своей вине (например, “харбинцы”, оставшиеся в Маньчжурии после продажи Китаю Восточно-Китайской железной дороги).

Остановимся на социальном положении лиц, проходящих по данным протоколам. Более половины из них (157) – служащие (городские), затем по убывающей: рабочие – 27, лица без определенных занятий – 23, колхозники – 17, сельские служащие – 13, домохозяйки – 5, пенсионеры – 4, представители мусульманского духовенства – 2. В разряд служащих включены и достаточно высокопоставленные государственные чиновники (например, нарком местной промышленности ТАССР Г.П.Тикк, начальник Управления лесоохраны и лесонасаждений Д.А.Пильпук), представители творческой интеллигенции (известный татарский драматург и актер Карим Тинчурин, артист Казанского драматического театра И.К.Чечет), преподаватели вузов Казани и др.

Кроме “шпионов”, на рассмотрение “особой тройки” попали и дела по “антисоветской террористической повстанческой офицерской организации”, которая “стояла за необходимость совершения террористических актов над руководителями партии и правительства”. В протоколах указано, что участники этой

организации, руководимые Дальневосточным филиалом РОВСа, не только готовили диверсии, вооруженное выступление против власти, но и действовали в интересах японской разведки. Всего в 1938 году “особой тройкой” были рассмотрены дела в отношении 44 членов этой организации, в основном бывших офицеров. Из них 40 расстреляны.

“Особая тройка” применяла, как правило, два вида наказания: расстрел и лишение свободы сроком на 5–10 лет. Высшую меру наказания получили 222 человека. Лишены свободы на 10 лет – 23, на 5 лет – 1. Освобожден после предварительного заключения 1 человек, одно дело было возвращено на рассмотрение. Решения “особой тройки” были окончательными, не подлежали обжалованию. Постановления о расстреле должны были приводиться в исполнение немедленно.

Через несколько дней после окончания работы “особой тройки” НКВД ТАССР – 17 ноября 1938 года – выходит в свет постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия”. В нем отмечалось, что в 1937–1938 гг. органы НКВД под руководством партии проделали большую работу по разгрому “врагов народа”, подчеркивалась необходимость продолжения работы по “очистке” СССР от “шпионов, вредителей, террористов и диверсантов”⁶. Подвергались критике некоторые методы работы НКВД (упрощенное ведение следствия и суда, установление “лимитов” для производства массовых арестов, фабрикация допросов и др.). Однако это никак не препятствовало проведению репрессивных мер в отношении инакомыслящих в последующие годы, вплоть до 1950-х годов. Это все происходило уже без участия такого внесудебного органа, как “тройка”. Приказом НКВД СССР (наркомом внутренних дел вместо Ежова за день до этого стал Берия) от 26 ноября 1938 года все “тройки” и “двойки” в центре и на местах были упразднены.

Таким образом, за 10 лет (1929–1938) “тройка” ГПУ-НКВД ТАССР рассмотрела более 10 тысяч дел, по которым проходило 16876 человек, обвинявшихся только в “контрреволюционных преступлениях” (точное количество уголовников нами не выявлено).

Что же касается социального состава репрессированных “тройкой”, то наи-

большее число осужденных составляют крестьяне (кулаки, середняки, изредка бедняки и колхозники). Общее количество крестьян, проходящих по протоколам “тройки” ОГПУ-НКВД ТАССР, – 12037. Больше всего крестьян было репрессировано в 1930–1931 годы (3747 и 3741 соответственно), что составляет около 80% всех репрессированных за это время. В 1937 году было репрессировано 1617 крестьян (из них 905 колхозников).

Конечно, по протоколам лишь одного внесудебного органа тяжело воссоздать всю картину, весь размах репрессий. В нашей республике в 1930–40-е годы кроме “тройки” действовали и другие органы, рассматривавшие дела по политическим преступлениям: 5 трибуналов (войск НКВД, Казанской железной дороги, Приволжского военного округа, Верхне-Волжского бассейна, Камско-Бельского бассейна), 2 коллегии (судебная и специальная) Верховного Суда ТАССР. В мае 1938 года в Казани заседала выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР. Кроме того, многие дела направлялись в Москву на рассмотрение других внесудебных органов: “двоек” (нарком внутренних дел и прокурор СССР) и Особого совещания при Коллегии ОГПУ-НКВД СССР.

Хронологические рамки страшного процесса под названием “политические репрессии” охватывают период с 1918 до середины 1950-х годов. Мы же на примере одного из внесудебных органов попытались представить механизм репрессий, происходивших в нашей республике в конце 1920-х – 1930-е годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив УФСБ РФ по РТ. Ф.109. Оп.2. Д.18. Л.16.
2. Там же. Л.140 об.
3. Архив УФСБ РФ по РТ. Ф.109. Оп.1. Д.1. Л.14–14 об.
4. Там же. Л.15. ВМН – высшая мера наказания.
5. *Кропачев С.А.* Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч.1. 1917–1940 гг. – Краснодар, 1995. С.44.
6. Там же. С.50.

Сирена Багавиева,
*сотрудник архива Управления ФСБ
России по Республике Татарстан*